

перспектив для углубления исторического познания”, как и современная постмодернистская эпистемология, заменяющая понятие истины понятием новизны (с. 7–8)⁵.

К.В. Хвостова отмечает, что некоторые исследователи излишне прямолинейны в понимании византийского общественного бытия. Исследовательница полагает, что классическое определение демократии (народ как источник власти на основе равенства и свободы и признание верховенства закона) никак не может определять авторитарный режим Византийской империи, восходящий к римскому доминату (с. 82). В отличие от Запада, где в XIII–XIV вв. уже существовали представительные учреждения, в Византии с VI в. народное собрание и сенат не играли существенной роли, и при диахронном рассмотрении можно обнаружить возрастание авторитаризма в поздней Византии (с. 83).

Хотелось бы сделать и ряд замечаний: сходство пронии как условной собственности с монастырской в XIV в. (с. 62), возможно, нуждается в дополнительной аргументации, так как служба в пользу казны – главное условие предоставления пронии – для монастыря исключается. В XIV–XV вв. византийское общество оказалось в кризисных условиях военной опасности, и, возможно, следовало бы подробнее остановиться на этом “состоянии перманентной войны” (по М.Я. Сюзюмову), которое настолько отягощало жизнь империи, что становилось не только внешним, но и внутренним фактором ее бытия. Желательна была бы более четкая периодизация цивилизационных этапов развития Византийской империи. И, разумеется, отсутствие индексов затрудняет использование такой сложной работы. Эти “заметки на полях” несколько не умаляют значения новой работы К.В. Хвостовой, в которой рассмотрены социально-экономические и правовые вопросы, специфика византийской философии истории, способы ориентации в обществе, иными словами, феномены, носящие и созидающие историческую парадигму византийского государства, а главное, впервые поставлена проблема прямого влияния восточной патристики и богословия на все стороны жизни Византии.

Новую монографию К.В. Хвостовой отличает четкость изложения, демонстрирующая ясность понимания сложнейших цивилизационных проблем, обретенную в ходе многолетней и успешной работы, и в то же время данный труд открывает новые пути для исследования византийской цивилизации.

В.А. Арутюнова-Фиданян

Saradi H.G. The Byzantine City in the Sixth Century: Literary Images and Historical Reality (Society of Messenian Archaeological Studies). Perpina Publications. Athens, 2006. 543 p., ill., topographical plans & maps.

Новая монография Э. Саради представляет собой фундаментальное исследование по ранневизантийскому городу. Временные рамки его значительно шире, нежели указано в заглавии, ибо автор тщательно проштудировала предшествующий VI в. период, а также последующую историю византийского города, уделяя особое внимание кризису VII в.

Э. Саради поставила перед собой цель изучить причины упадка ранневизантийского города и определить его хронологические рамки. Особый интерес у исследовательницы вызывает проблема урбанизма. Соответственно ее главный акцент – изменение городского пространства в ранневизантийскую эпоху. Однако, отдавая себе отчет в глубинных причинах подобного изменения, автор сознательно уделяет

⁵ См. также: *Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 66–78.*

большое внимание социально-экономическим и административным изменениям в городе, отразившимся на городской планировке и архитектуре. Э. Саради решила сопоставить данные археологии со свидетельствами письменных источников. Она изучила безбрежное количество археологических отчетов о раскопках, проводившихся и проводящихся до сих пор в самых различных регионах бывшей Византийской империи, и огромное число самых разнообразных письменных источников.

Монография состоит из пяти частей, каждая из которых, в свою очередь, распадается на главы, имеющие сквозную нумерацию по всей книге. Часть первая “Ранневизантийский урбанизм: введение” состоит из одной главы, носящей название “Методологические подходы и современное состояние историографии”. В ней автор обстоятельно рассматривает эволюцию изучения византийского города по VIII в. включительно. Отметив, что проблема города стала одной из центральных тем в византистике, Э. Саради написала обстоятельный очерк существующих в науке взглядов относительно континуитета и дисконтинуитета в развитии византийского города.

Часть вторая “Образ города в литературе и искусстве” (с. 47–146) охватывает главы 2–5: “Эстетизация города и исторический контекст”; “Литературная традиция и историческая реальность”; “Христианская перспектива: аскетическое уединение и городская жизнь”; “Город как визуальный мотив в ранневизантийском искусстве”. Отмечая, что образ города с его внешним обликом, архитектурой и культурной традицией доминирует фактически во всех литературных жанрах ранневизантийского периода, Э. Саради подчеркивает огромную роль традиции в изображении города, особенно риторической (в частности азиатской риторики и антикизирующих литературных мотивов). Описания городов строились по определенной схеме с использованием заданных определений, поэтому в этих, по существу, панегирических описаниях трудно выделить похвальный элемент от истинного состояния городов. Тем не менее, тщательно изучив огромное количество описаний города, автор сумела выявить некоторые весьма существенные элементы, внесенные христианизацией империи и автократическим правлением. Она подметила в частности, что похвала городу в ранневизантийских сочинениях относится к прошлому, а не к настоящему времени, косвенным образом славное прошлое контрастирует с недостойным похвалы настоящим (с. 56). Автор связывает это с серьезной трансформацией, имевшей место в городах, и их упадком во второй половине VI в.

Лебединой песней греко-римскому городу Э. Саради считает “Хронографию” Иоанна Малалы, отмечая при этом, что в сочинении хрониста языческое прошлое и христианское настоящее находятся в мирном соседстве (с. 93). Вместе с тем автор отмечает, что у Иоанна Малалы, как и у других авторов, христианская церковь естественно вписывается в городское пространство, постепенно выходя на главное место в похвальном описании города. Показательно, однако, что при описании церкви используется манера и лексика описания античного города – церковь в первую очередь восхваляется за ее красоту (с. 67, 93 и др.).

Разрыв с античной традицией при описании городов начинается, как отмечает Э. Саради, с Агафия. Впервые в сочинении интеллектуала, писавшего в антикизирующей традиции, появляется рожденный историческими обстоятельствами реалистический образ города с чертами, свойственными раннесредневековому периоду: города, занятые варварами, теряют принадлежность к греко-римской цивилизации; другие города разрушаются землетрясениями и не возрождаются в прежнем античном блеске. Город восхваляется отныне не за свой античный архитектурный облик, а за свой военный характер. В сочинении Феофилакта Симокатты, последнего антикизирующего автора ранневизантийской эпохи, изображение города близко по стилю к описаниям, созданным авторами VII в. Новая идентичность города, отмечает

исследовательница, особенно проявилась в реалистическом сочинении анонимного автора трактата “О военном искусстве”.

Части III–V написаны на богатейшем археологическом материале: археологических отчетах, а также исследованиях, построенных на материалах раскопок. Вместе с тем Э. Саради изучила всю доступную ей литературу по ранневизантийскому городу. Часть III “Упадок античного общественного пространства и триумф приватизации”, состоящая из глав 6 и 7, посвящена трансформации общественного пространства в ранневизантийских городах, которая исследовательница справедливо связывает с социально-политическими изменениями в империи, в частности с упадком класса куриалов и укреплением в городах имперской администрации.

У новой верхушки были иные, в первую очередь личные, приоритеты, что сказалось на городской общественной жизни и на ментальности городского населения, в частности на потере гражданского духа. Вместе с тем это вело к изменению внешнего облика города, утрате им монументальности, свойственной греко-римскому периоду, иной организации городского пространства, потере интереса к прежним общественным зданиям, о поддержании которых теперь мало заботились, посягательству на общественное пространство города, запустению его отдельных частей и известной аграризации.

Изменение демографической ситуации, подлинный демографический взрыв привели к увеличению городского населения, которое возводило свои незамысловатые постройки на запустевшем общественном пространстве античного города. Так появились в городах бедные византийские строения (или владения скваттеров, т.е. поселенцев на незанятой или государственной земле), как их окрестили археологи. Проанализировав письменные источники, Э. Саради показала, что появление подобных бедных строений в районах бывших общественных зданий и общественном пространстве города отнюдь не всегда являлось стихийным процессом и что, во всяком случае, на ранней стадии этот процесс управлялся государством и городскими советами. Делалось это следующим образом. Могущественные персоны (как правило, это были влиятельные члены городской курии или государственные чиновники) приобретали пустующую собственность либо в результате купли по сходной цене, либо каким-то незаконным путем, а затем перепродавали ее многим лицам или сдавали в аренду (с. 187).

Часть IV монографии “Изменения в городской архитектуре: идеологические проблемы и социально-экономическая реальность” (главы 8–11) посвящена изучению состояния таких важных компонентов античного города, как агора, улицы и портики, здания для зрелищ, бани и акведуки. Э. Саради отмечает, что изменение социально-экономической ситуации в городах, а также распространение христианства и усиление роли церкви повлекли за собой существенные изменения во внешнем облике города, свойственном греко-римской античности. Общественные здания греческих полисов (здания городских курий, пританеи, архивы, постройки, связанные со сбором налогов) приходят в упадок. Агора теряет свою функцию. Торговля перемещается на улицы, портики которых застраиваются мастерскими. Портики, колоннады, акведуки утрачивают свое прежнее значение. Место акведуков занимают цистерны и колодцы. Лишь в Константинополе знаменитый акведук Валента уцелел и сохранился в средневековое время. Языческие храмы либо разрушаются и части их используются для других построек, либо перестраиваются в христианские церкви.

Ипподром, по утверждению Э. Саради, сохранился лишь в Константинополе, в то время как в других городах он, подобно другим античным зрелищным зданиям, приходит в упадок. Однако здесь автора можно поправить, ибо из сочинения Прокопия Кесарийского “Война с персами” известно, что во время своего завоевательного похода в Византию, осуществленного в 540 г., шах Ирана Хосров, горя желанием посмотреть, как проходят у византийцев бега колесниц, повелел народу Апамен

собраться на ипподроме и проводить свои обычные состязания¹. Из этого пассажа ясно, что бега колесниц являлись распространенным зрелищем не только в столице империи и что слава о них дошла до пределов Персии. По всей видимости, об угасании зрелищ в провинциальных городах можно говорить лишь применительно к середине VI в.

Вместе с тем автор отмечает начавшееся процветание церкви, которая создает в городах новые центры и новые кварталы вокруг приходских церквей. В то время как общественное пространство античного города было заброшено и предоставлено угасанию, территория вокруг церквей, прилегающие улицы и портики становились предметом особых забот, строились из лучших материалов, зачастую взятых из бывших общественных зданий и портиков; все усилия прилагались к тому, чтобы украсить и храмы, и окружающее их пространство.

Последняя, V часть монографии “Между городом прошлого и городом будущего” состоит из 12-й – 14-й глав. Главы 12–13 тесно связаны между собой. В 12-й главе “На краю античности: языческие монументы в христианском городе” рассмотрена судьба античных памятников в ранневизантийских городах. Автор подчеркивает, что VI в. знаменует собой конец языческой античности, что в первую очередь отразилось на судьбе языческих храмов. Они подвергаются разрушению и опустошению. На их месте возводятся христианские церкви. В данном случае, возможно, дали о себе знать практические факторы ранневизантийского урбанизма: церкви скрывали разрушенные храмы и украшали собой центральные и престижные места городского пространства. В этом сказались традиции урбанизма греческого Востока, где высокое понятие красоты города все еще продолжало существовать.

Вместе с тем автор справедливо отмечает, что судьба языческих храмов варьировалась от региона к региону. В ряде случаев языческие святилища сохранились вплоть до VII в.

В разделе главы “Расхищение” прослеживаются любопытные детали использования орнаментов, статуй, отдельных фрагментов, а порой и целых блоков старых построек для сооружения новых зданий, в том числе церковного характера (с. 362–372). Нередко старые блоки использовались при возведении городских стен. Помимо практической стороны, подчеркивает автор, строителей явно заботила внешняя сторона, придававшая сооружению привлекательность. Часто особенно красивые куски старых зданий использовались при создании городских ворот. Плиты зданий, украшенные скульптурными языческими сценами, жертвенники, саркофаги, а также мелкие орнаменты явно языческого свойства часто использовались в церквах на видных местах. Лишенные теперь всякого языческого смысла они явно служили просто украшением. Античность была видна повсюду, она продолжала жить, но была лишена отныне языческого смысла и приспособлена к христианскому окружению.

Этой же идеей наполнены и разделы, посвященные античным статуям. Статуи, так же как и мозаики, воспринимались в качестве декоративных элементов, украшавших как городские постройки, так и частные резиденции (с. 372–376). Вместе с тем, статуи становились объектами суеверия, им приписывались профетические функции (с. 378–380). Одновременно Э. Саради подчеркивает, что античность с ее памятниками интегрировалась в городское пространство благодаря постепенной христианизации языческой скульптуры, мифов и символов. С одной стороны, на них делали изображение креста, с другой – наполняли христианским смыслом языческие мифы и символы. Подобно античной философии, памятники искусства были таким образом инкорпорированы в христианский мир (с. 380–383). Поразительное желание сохранить античное наследие в виде произведений искусства и художественных образов было более всего свойственно образованному высшему классу (*upper class*),

¹ *Procop.* В.Р. II. 11.31–35.

интеллектуальный климат которого являлся питательной средой для идеализации прошлого (с. 384). О какой аристократии идет в данном случае речь? Для Э. Саради *urper class* – это в первую очередь муниципальная аристократия – куриалы. Но именно этот класс, как она постоянно подчеркивает (и это главный лейтмотив ее монографии), переживал, начиная с IV в., глубокий упадок.

Здесь автору, вероятно, следовало бы учесть, что муниципальная знать посткуриального периода, а также сенаторская аристократия Константинополя восприняли многие ценности греческих полисов. Проводниками этих ценностей являлись и куриалы (многие из которых оказались на среднем уровне военно-административного аппарата империи) и, что особенно следует подчеркнуть, представители свободных профессий, в большом количестве оказавшиеся в составе сената столицы².

В главе 13 “Церкви в городском пространстве и жизни” (с. 385–439) Э. Саради показывает, как города подвергались постепенной и глубокой христианизации и как контроль со стороны церкви над многими сторонами социально-экономической жизни вызвал смещение интереса со светской к церковной сфере. По наблюдениям автора, трансформация и кризис высшего класса и его идентификация с церковными кругами усиливали власть церкви в городах. Дезинтеграция античного города, упадок традиционных городских структур и институтов, некоторая аграризация и появление захоронений в черте города были напрямую связаны с церковью и координировались ею. Вместе с тем, отмечает исследовательница, конструкция церковью придавала городу влияние и авторитет в христианском мире. Римская архитектурная традиция и новая религиозная практика создали исполненные великолепия монументальные христианские комплексы: базилики, баптистерии, часовни, епископские дворцы, дома для клира, больницы, странноприимные дома и т.д. Таким образом, христианская архитектура придавала городу новый характер и доминировала в городском ландшафте.

В последней, 14-й, главе монографии автор характеризует две модели ранневизантийского города, оформившиеся к концу VI в. Первая модель складывалась как процесс эволюции античного города в новых социально-экономических условиях и новой культурной атмосфере. Вторая модель представляла собой новую разновидность города – *ка́стров* (крепость). Она создавалась по инициативе государства или местных жителей как ответ на вражеские вторжения. Первая модель принадлежала прошлому и являлась реликтом античности. Она оформилась в ходе демографических изменений, социально-экономической и культурной эволюции, которые существенно изменили прежний облик города. Новая, по существу средневековая, модель – *ка́стров* – создавалась военными и церковными кругами; в ней четко прослеживалась оборонительная функция города. В этой модели акцент был сделан на городских укреплениях и церковном строительстве.

В целом автор приходит к выводу, что VI в. знаменует конец античного города в Византии. В городском пространстве и культуре язычество было фактом прошлого. Языческие памятники, отныне заброшенные, оказались полуразрушены или приспособлены для новых нужд в христианском контексте.

Но следует ли это трактовать как упадок города вообще или речь идет о трансформации города, отнюдь не вызывающей экономической упадок? Подводя итог всему исследованию, автор заключает, что речь идет именно об упадке города, начавшемся в IV в. Тем не менее и в самой книге, и в своих предшествующих работах Э. Саради справедливо отмечает, что разложение класса куриалов не обязательно

² См.: Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // ВВ. 1994. Т. 55 (80); Laniado A. Recherches sur les notable municipaux dans l'Empire protobyzantin. P., 2002; Чекалова А.А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // ВВ. 1992. Т. 53.

влекло за собой упадок города как таковой³. Археологи (и об этом не раз упоминается в монографии) датируют начало упадка ранневизантийского города серединой VI в., т.е. второй половиной правления Юстиниана. Исследователи объясняют тяжелое состояние империи чумой и вражескими вторжениями. На наш взгляд, оно было связано с общим ослаблением государства, вызванным пагубной политикой Юстиниана, стремившегося к восстановлению прежней Римской империи в ущерб собственно византийским территориям, подвергавшимся тяжелому налоговому гнету и оставленным без должной защиты перед лицом, с одной стороны, опасного соседа, каким с давних пор являлся для Византии Иран, с другой – северных варваров.

При спорности ее отдельных моментов нельзя не признать, что монография Э. Саради является серьезным вкладом в науку. Отныне ни один исследователь, занимающийся ранней историей Византии, не сможет обойти ее вниманием. Огромным достоинством автора является прекрасное знание работ российских византистов. Это, несомненно, помогло Э. Саради создать столь глубокое интересное исследование.

А.А. Чекалова

Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / Подгот. изд. В.И. Земсковой. Научный консультант И.П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.

Данное издание является первой публикацией обобщающего труда Владимира Евграфовича Вальденберга, основоположника исследования византийской политической мысли. Издание осуществлено по рукописи из архива Вальденберга, хранящейся в Петербургском филиале архива РАН. Во вступительной статье, написанной В.И. Земсковой, представлен очерк жизни и научной деятельности В.Е. Вальденберга.

Во введении (с. 29–54) Вальденберг дает понятие о науке, занимающейся историей политических идей. Он опровергает распространенное в его время мнение, что в Византии не существовало оригинальной политической литературы. Автор формулирует задачу своего исследования следующим образом: “На долю истории политической литературы приходится не выяснение литературных влияний, под которыми складывались произведения и мысли, и не установление их связи с фактами политических и общественных отношений, а прежде всего – *определение их подлинного смысла* и их политико-философского значения, иначе выражаясь, их анализ и оценка” (с. 35). Далее он последовательно разбирает взгляды различных ученых на византийскую философию, которая, по его мнению, так же недостаточно изучена, как и политическая литература. Завершая введение, В.Е. Вальденберг высказывает интересное мнение о том, что, “когда изучение византийского государственного устройства достигнет того уровня, который ему подобает и от которого еще очень далеко современному византиноведению, тогда, может быть, одним из его выводов, надлежащим образом обоснованных, будет то, что государственное устройство Византии оставалось совершенно неизменным в продолжение всей ее тысячелетней истории” (с. 54).

³ *Saradi-Mendelovici H. Christian Attitudes toward Pagan Monuments in Late Antiquity and Their Legacy in Later Byzantine Centuries // DOP. 1990. Vol. 44. P. 63–94; Saradi H. The Kallos of the Byzantine City: The Development of a Rhetorical Topos and Historical Reality // Gesta. 1995. Vol. 34/1. P. 37–56; Eadem. Aspects of the Classical Tradition in Byzantium. Toronto, 1995.*